

© 2025. А. В. Семенова

Казахстанский филиал Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова г. Астана, Казахстан

Летописное сказание о князе Владимире и Рогнеде в трагедиях Ф. П. Ключарева «Владимир Великий» и М. М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава»

Аннотация: В статье впервые последовательно сопоставляются трагедии «Владимир Великий» Ф. П. Ключарева и «Идолопоклонники, или Горислава» М. М. Хераскова. Доказано, что сюжеты трагедий имеют много общего ввиду того, что авторы обрабатывали одно и то же летописное сказание о неудачном покушении Рогнеды на Владимира и его последствиях, однако интерпретация событий различается. Герои Ключарева руководствуются политическими мотивами и личными переживаниями, Херасков акцентирует религиозно-нравственные аспекты. Обнаружены и рассмотрены близкие сюжетные элементы и компоненты изобразительности. В произведениях выявлен ряд текстуальных пересечений: призывы Рогнеды-Гориславы чтить князя, видения Рогнеды, этические метания Владимира, вмешательство Изяслава в конфликт и др. Сопоставление трагедий Ключарева и Хераскова позволяет сделать вывод о том, что сходство произведений обусловлено общими историческими источниками и следованием классицистическим канонам, а также дидактическими целями авторов.

Ключевые слова: Ф. П. Ключарев, М. М. Херасков, трагедия, Владимир Великий, Рогнеда, Горислава.

Информация об авторе: Анастасия Владимировна Семенова, кандидат филологических наук, Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ул. Кажимукана, д. 11, 010000 г. Астана, Казахстан.

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

E-mail: anastasia_semenova@list.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 24.11.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 30.01.2025

Дата публикации статьи: 25.06.2025

Для цитирования: Семенова А. В. Летописное сказание о князе Владимире и Рогнеде в трагедиях Ф. П. Ключарева «Владимир Великий» и М. М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 258–277. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-258-277>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 258–277. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 258–277. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Anastassiya V. Semenova

Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University
Astana, Kazakhstan

The Chronicle Legend about Prince Vladimir and Rogneda in the Tragedies by F. P. Klyucharev *Vladimir the Great* and M. M. Kheraskov *Idylo- Worshippers, or Gorislava*

Abstract: The article is the first to consistently compare the tragedies *Vladimir the Great* by F. P. Klyucharev and *Idylo-Worshippers, or Gorislava* by M. M. Kheraskov. It is proved that the plots of the tragedies have much in common due to the fact that the authors processed the same chronicle story about the unsuccessful attempt of Rogneda on Vladimir and its consequences, but the interpretation of events differs. Klyucharev's characters are guided by political motives and personal experiences, while Kheraskov emphasises religious and moral aspects. The works reveal several textual overlaps: Rogneda-Gorislava's call to honour the prince, Rogneda's visions, Vladimir's ethical metamorphosis, Izyaslav's intervention in the conflict, and so on. The comparison of Klyucharev's and Kheraskov's tragedies allows us to conclude that the similarity of the works is due to common historical sources and adherence to classicist canons, as well as the didactic goals of the authors.

Keywords: F. P. Klyucharev, M. M. Kheraskov, tragedy, Vladimir the Great, Rogneda, Gorislava.

Information about the author: Anastassiya V. Semenova, PhD in Philology, Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University, Kazhimukan St., 11, 010000 Astana, Kazakhstan.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

E-mail: anastasia_semenova@list.ru

Received: November 24, 2024

Approved after reviewing: January 30, 2025

Published: June 25, 2025

For citation: Semenova, A. V. "The Chronicle Legend about Prince Vladimir and Rogneda in the Tragedies by F. P. Klyucharev 'Vladimir the Great' and M. M. Kheraskov 'Idylo-Worshippers, or Gorislava'." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 258–277. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-258-277>

В основе трагедий Ф. П. Ключарева «Владимир Великий» (1779) и М. М. Хераскова — «Идолопоклонники, или Горислава» (1782), создававшихся практически одна за другой, лежит исторический сюжет об отношениях князя Владимира, Крестителя Руси, и печально известной полоцкой княжны Рогнеды. Согласно замечанию Ю. В. Стенника, «популярность этого сюжета в России особенно возросла после создания художником П. А. Лосенко в 1769 г. знаменитой картины «Владимир и Рогнеда» [Стенник: 91]. Обе трагедии отходят от популярной в российской драматургии тираноборческой темы и политического дидактизма в целом, напротив, в них проявлена новая тенденция — морализаторская, что, по всей видимости, связано с масонскими убеждениями авторов. Хераскову особенно важны были религиозно-нравственные вопросы и возможность наставлять читателей на путь духовного совершенствования.

Ключарев и Херасков, очевидно, были знакомы: в начале 1780-х гг. Ключарев, к тому времени увлеченный идеями масонства, сблизился с Н. И. Новиковым и вошел в кружок московских масонов, стал членом «Дружеского ученого общества» и других масонских объединений, в которые входил и Херасков, также друживший с Новиковым. Ключарев известен как автор стихотворений религиозно-мистического толка, отражающих его масонские воззрения, вероятно, вдохновлялся произведениями единомышленников, в том числе Хераскова. Интерес авторов к истории обусловлен возможностью реализовывать просветительские задачи: на примере исторических персонажей в увлекательной форме указывать читателям направления и цели нравственных исканий, побуждать к размышлениям о грехе и добродетели, подталкивать к выбору правильного, с точки зрения масонов, духовного пути.

Невозможно однозначно определить, был ли выбор в качестве сюжета трагедий летописного предания о Владимире и Рогнеде случайным совпадением замыслов, либо Херасков вдохновился произведени-

ем младшего товарища (Херасков почти на 18 лет старше Ключарева) и создал свою версию. Авторы различно интерпретируют события времен Киевской Руси, однако сопоставление текстов позволяет выделить ряд любопытных параллелей. Произведения мало изучены, трагедии Хераскова посвящена статья Л. М. Пастушенко [Пастушенко 1976: 54–62] в основном же «Идолопоклонники, или Горислава» упоминается в числе драматических произведений автора [Западов: 5–56]; [Пастушенко 1974]; [Стенник: 91–92], как и трагедия Ключарева [История русской драматургии: 92]. Насколько нам известно, ранее произведения специально не сравнивались. В связи с этим актуальным видится последовательное сопоставление трагедий Ключарева и Хераскова, выявление сюжетных и текстуальных пересечений, определение, чем обусловлены различия авторских интерпретаций летописного предания.

Летописи и исторические сочинения кратко повествуют о Владимире и Рогнеде: «Повесть временных лет» содержит рассказ о попытке Владимира заключить союз с полоцким князем Рогволодом против Ярополка посредством брака с Рогнедой, отказ княжны выходить замуж за «рабынича» (предпочла видеть женихом Ярополка) стал причиной завоевания Владимиром Полоцка и убийства отца и двух братьев Рогнеды [Повесть временных лет: 62]; то же находим в других источниках [Татищев 2: 55–57]; [Киевский синопсис: 44]; [Щербатов 1: 241]. Будучи женой киевского князя, Рогнеда, не смирившись со своей судьбой, желая отомстить за смерть близких, незадолго до херсонского похода Владимира предприняла попытку убийства мужа, но потерпела неудачу, — такие сведения находим у М. В. Ломоносова [Ломоносов: 105–106] и М. М. Щербатова: «Сия Рогнеда, проименованная в супружестве Гориславой, по причине претерпевших ею несчастий, памятуя всегда, как была обругана во время пленения своего, убийство отца, матери и братьев, разорение своего отечества, и по сосланию ее на Лыбедь, подозревая и противу себя ненависть Владимирову, помышляла отмщение себе учинить. И как некогда Владимир пришед к ней заснул, тогда она мня найти к намерению своему удобное время, взяв нож, хотела его зарезать; но пробудившийся в самое то время Владимир рукою смертоносное оружие отвратил. Устрашенная Горислава тогда яростью и печалью распаленная, в слезах напомнила ему все причины своего огорчения, и что ее и сына ее еще младенца Изяслава не любит. Владимир же хотя ее за такое суровое предприятие наказать, повелел ей

одеться в брачное одеяние и сесть на престоле в светлой храме, да примет там наказание и смерть от руки своего супруга. Рогнеда исполнила сие повеление, и поставила возле себя сына своего Изяслава с обнаженным мечом; когда же Владимир распаленный яростью вошел, дабы предать смерти свою супругу, тогда Изяслав по повелению матери своей говорил: Отче, егда един житии хочеши, или бессмертен мнишь-ся, пойми меч сей, понзи прежде утробу мою, да не вижу смерти матери моея. Владимир удивлен и жален сими словами сказав: кто тебя здесь поставил, и бросив меч свой, вышел вон. Потом собрав бояр, сказав им все сие с ним приключившееся, которые быв уже тронуты тем же духом и мыслию, отступая от варварских прежних мнений, советовали Владимиру возобновить ее отчество, и отослать ее туда на удел и с сыном ее; что Владимир и учинил, построив город, который проименовал по имени сына своего Изяслава» [Щербатов 1: 257–258]¹.

Ключарев и Херасков, вероятно, опирались на исторические источники, поскольку в обеих трагедиях упомянутые события воспроизводятся с авторскими домыслами. Щербатов относит последние к 987 г., что соответствует времени действия в «Идолопоклонниках» (оно не указано, хотя угадать несложно: Владимир решает принять христианскую веру и готовится к походу на Херсон, что имело место в 987–988 гг.); у Ключарева временных указателей также нет, но одно из действующих лиц в обеих трагедиях — сын Владимира от Рогнеды Изяслав, который на момент действия является ребенком, но не младенцем, предположительно, ему должно быть 7–8 лет — примерный возраст мальчика в преддверии крещения Руси. У Ключарева и Хераскова Рогнеда (Херасков предпочитает имя Горислава, более соответствующее характеру и несчастливой судьбе героини, автор подчеркивает этот момент: жрец Золиба призывает женщину вспомнить себя Рогнедой, гордой княжной, каковой она перестала быть в супружестве [Херасков: 234, 249]) пытается убить мужа, но не преуспевает, чему только рада. Внутренний конфликт персонажа обусловлен тем, что Рогнеда помнит убитых Владимиром отца, мать и братьев, разоренный Полоцк и силой победителя навязанный брак, однако вопреки всему искренне любит Владимира. К вовсе не желанной мести княгиню

¹ Здесь и далее цитаты из летописей и трагедий даны в упрощенной орфографии.

подталкивают видения, навеянные совестью и долгом перед усопшими родными, в источнике, конечно, не упомянутые, но авторы сходятся в данном вымысле:

Мне совесть ни на час покою не дает,
Родительская тень мой сон всегда мятет,
О тень дражайшая! коль жертвы ты желаешь... [Ключарев: 92–93].

Моих родителей явились тени мне,
Затрепетал чертог, и тени мне любезны,
Являя раны мне потоки лили слезны,
Я зрела лица их, я их внимала глас,
Отмсти Владимиру, вещали мне, за нас;
Отмсти за нас! увь! наш прах ты долго мучишь... [Херасков: 257].

Ситуацию усугубляет обида женщины на охладевшего к ней мужа, который, как известно, отличался изрядным женолюбием, — этот момент отдельно оговаривается в ряде источников [Повесть временных лет: 65]; [Татищев 2: 61–62]. Последнее акцентировано Херасковым: Горислава хочет вновь стать Рогнедой, которую Владимир некогда любил, Горислава же, с ее жалобами и слезами, внушает князю презрение, которое женщина как раз терпеть и не готова [Херасков: 249–250]. Вместе с тем Рогнеду-Гориславу мучает совесть: она верна супругу, несмотря на обстоятельства этого брака, и любовь побороть в себе не может, да и не пытается. Более того, княгиня призывает окружающих (у Ключарева — Изяслава, у Хераскова — Святополка и Золибу) любить и почитать Владимира, как это делает она:

Ах! нет: останься жить и мать свою забудь,
Люби родителя, ему подобен будь!
Прости! в последний раз мой сын тебя объемяю! [Ключарев: 141].

И если жалость вы еще ко мне храните,
Как я супруга чту, и вы подобно чтите [Херасков: 234].

Ключарев и Херасков создают почти аналогичные образы глубоко несчастной, терзаемой противоречиями и сомнениями, отчаявшейся

женщины, которую используют в своих целях недруги Владимира. Оба автора вводят в трагедии героев-подстрекателей, желающих устранить Владимира руками Рогнеды, — таковы близкий князю боярин Студ (у Ключарева) и верховный жрец Перуна Золиба (у Хераскова). Первый, очевидно, имеет прототипом упоминаемого в исторических источниках любимого Ярополком боярина и воеводу Блуда, которого Владимир подкупил лъстивыми посулами, склонив к предательству Ярополка. Блуд удержал киевского князя от вывода дружины на поле боя, а затем убедил отправиться на личную встречу с Владимиром, которая фактически не состоялась: по приказу Владимира Ярополка пронзили мечами. Блуд же получил желаемое — обещанный почет и иные блага, но лишь на три дня, по прошествии которых новый правитель казнил изменника: «Блуд же изменник Ярополков принял от Владимира честь великую и возносился три дня, потом убиен бысть от Владимира, тако глаголя ему: Я тебе по обещанию моему честь воздал, яко приятелю, а сужу яко изменника и убийцу государя своего» [Татищев 2: 60]; см. также [Щербатов 1: 242–243]; [Повесть временных лет: 63]; [Киевский синопсис: 44]. В трагедии Ключарева события представлены иначе: о злодействах Студа князь не знает, боярину полностью доверяет, в то время как второй человек в государстве подстрекает к убийству Владимира сначала Рогнеду, затем своего наперсника Кинвзора. Студ жаждет занять трон Владимира и заодно получить Рогнеду, к которой питает страсть, или разорвать ее на части в случае отказа покориться. В персонаже угадывается потенциальный классический тиран наподобие сумароковского Дмитрия Самозванца или херасковского Борислава:

В высоких замыслах обильный пот я лил,
И брата братнею рукою истребил.
Во Ярополка меч Владимиров вонзая
К убийствию сего супругу вооружая,
Едва не достигал желанного конца:
Но мне путь и теперь нетруден до конца...
Почто ж болезную, почто же я мятуся,
Уже час близок тот, когда возвеселюся,
Толикие труды наградой увенчав,
Все огорчения и грусти окончав;
Тогда и страсть мою к Рогнеде успокою,

Всю площадь трупам врагов моих покрою;
Довольный возведу на их болезни взор,
И жен их и детей представлю на позор! [Ключарев: 103–104].

Склоняя Рогнеду к преступлению, Студ метит в болевые точки героини: напоминает о разорении Полоцка и постоянных изменах Владимира, вызывает к гордости, уверяет, что супруг готовит казнь и ей, и Изяславу, обещает возвести княгиню на трон и клянется в своем к ней благорасположении. Однако Рогнеда прозревает в Студе злодея, грозит ему разоблачением и терзается оттого, что поддалась вредному влиянию и едва не убила мужа.

В «Идолопоклонниках, или Гориславе» акценты смещены в сторону религиозных аспектов. Хераскова очень занимали вопросы веры и выбора, крещение Владимира стало предметом эпопеи «Владимир» (1785), к этой теме автор обращается в трагедии «Пламена». Нам неоднократно доводилось говорить о религиозной составляющей поэмы «Владимир» [Семенова: 42–47]. А. В. Западов отмечает, что сложная эпоха виделась автору-масону временем духовного просветления, привлекала возможностью «показать сильные характеры, столкновения страстей и интересов, глубоко обнажившиеся в обстановке крещения Руси» [Западов: 46]. В «Идолопоклонниках» Золиба ополчается на Владимира в связи с его разочарованием в языческих божествах — собственно, с заявления князя об этом начинается трагедия — и намерением принять греческую веру. Зато методы жреца и Студа весьма схожи: Золиба через Святополка призывает Гориславу вспомнить о гордости, долге и мести, явиться Рогнедой и прекратить тиранию Владимира, погрязшего в сластолюбии и готового богов сменять как жен, в противном случае кара богов неизбежна:

Коль наши дружески советы отвергаешь,
Худую на богов надежду возлагаешь,
Страшись со Князем ты Перунова огня... [Херасков: 235].

Горислава болезненно воспринимает весть о женитьбе Владимира на греческой царевне Анне, которой придется прислуживать; неприятна возможность изгнания вместе с Изяславом и скитаний в нищете, хотя сыну Владимира надлежит быть наследником князя, а не сиротой.

И все же княгиня проявляет стойкость, отказывается видеть во Владимире тирана, вверяет сына милости небес, готова принять удар, но одна. Тогда Золиба действует хитрее: врата в Перунов храм способны будить в людях зло, вот с их помощью жрец и разжигает в Гориславе жажду мести. Героиня переживает острый внутренний конфликт:

Когда свирепаго убийцу я ищу,
Ищу, и нахожу любезного супруга;
Пребеззаконною явится мне услуга,
Услуга, чем моим родителям должна....
Ахъ! дочь Рогвольдова Владимиру жена [Херасков: 240].

Золиба заочно расторгает брак Гориславы, освобождая ее от обязательства хранить верность мужу, и она решается на покушение, но намерена вслед за Владимиром убить и себя. В последний момент княгиня и вовсе отказывается от мести:

О Боги не явлюсь виновной ни пред кем,
Виновны оба мы, так оба и умрем [Херасков: 261].

Велели Боги мне кинжал вонзать в тебя,
А я хотела им пронзить сама себя! [Херасков: 263]

Ключарев и Херасков акцентируют внимание на кинжале, которым надлежит убить Владимира, как орудии якобы справедливого возмездия. Студ передает Кинвзору кинжал, убивший Ярополка, так что, омывшись кровью Владимира, он отомстит за братоубийство:

В грудь Ярополкову сей острый меч вонзился;
Так должно, чтоб в крови убийцы он омылся.
Сим брату братню кровь само днесь небо мстит,
Свершити казнь сию, тебе оно велит [Ключарев: 121].

Схожий мотив реализован в «Идолопоклонниках»: Золиба вручает Гориславе кинжал, убивший ее отца, по просьбе тени полоцкого князя:

Какой в руке кинжал!

Которым твой супруг Рогвольда поражал!

Кинжал на алтаре лежащий указала,

И бледна тень его мне речь сию сказала:

Рогнеда сим отмстить за смерть мою должна [Херасков: 260].

В обеих трагедиях Рогнеда сожалеет о преступном намерении, кается перед Владимиром и смиренно соглашается принять смерть от его руки или по его воле. Однако Студ и Золиба, потеряв исполнителя злого замысла в княгине, действуют через других сторонников, вовлеченных в интриги против Владимира, — Святополка и Кинвзора. Последний сначала клянется в верности Студу и готов пожертвовать собой, но поразить Владимира, однако в решающий момент не только не делает этого, но и останавливает удар Студа, тем самым спасая Владимира от тайного злодея (такая внезапная перемена ничем не объясняется, можно предположить, что Кинвзор прозрел и понял, что Студ подлец). Со Святополком сложнее: персонаж чтит языческих богов, ненавидит Владимира как убийцу отца — Ярополка — и хочет отнять у князя власть, оттого и действует заодно с Золибой. Однако откровенный разговор с Владимиром меняет воззрения Святополка: киевский князь всячески выказывает свою любовь отпрыску, но тот ее с презрением отвергает, пока не узнает, что именно Владимир, а не Ярополк приходится ему отцом, о чем свидетельствует письмо покойной матери Святополка. Юноша проникается сожалениями, меняет свое отношение к Владимиру, готов задуматься об отречении от богов и по мере развития действия защищает Гориславу, которую ранее настраивал против отца и потому понимает, что она жертва интриг, а не изменница. Любопытно, что Святополк, как и Кинвзор, отражает удар Золибы, направленный во Владимира: оба наперсника Владимировых врагов переходят на сторону князя, которого сами же намеревались убить, и спасают его. В обоих случаях имеют место авторские вымыслы, далекие от исторической достоверности: Блуд был казнен не позднее 980 г., за несколько лет до времени действия трагедии Ключарева, и доверием Владимира вовсе не пользовался; Кинвзор — персонаж вымышленный; Святополк был немногим старше Изяслава, едва ли ребенок мог попытаться совершить переворот, к тому же в источнике прямо сказано, что Владимир не любил Святополка: «Святополк бысть прелюбодей-

ный сын от двух отцов, Ярополка и Владимира, тем же Владимир его не любил» [Татищев 2: 60]. Вымышленные эпизоды добавляют трагедиям драматизма и отчасти влияют на развитие сюжета, но в большей степени вносят в тексты дидактическую составляющую: недозлодеи, введенные в заблуждение, вовремя каются и переходят на правую сторону.

Проступок Рогнеды-Гориславы ставит Владимира в непростое положение: преступница заслуживает наказания, однако казнить жену и мать своего сына князь не хочет. В обеих трагедиях герой находится в центре повествования, и от его выбора зависит разрешение конфликта. У Ключарева Владимир мечется между долгом правителя следовать закону и нежными чувствами к жене:

К убийце, к варварке, мне жалость ощущать!
Скажи, что жизнь ея... о небо, сил лишаюсь!
И тщетно одолеть любовь к ней покушаюсь,
Жестоко страсть сия владычествует мной... [Ключарев: 111]

Владимир Ключарева сначала прощает Рогнеду, как и Владимир Хераскова — последнего трогает готовность жены умереть от его руки на коленях. Однако герои меняют свое мнение, ожесточившись, и вновь, ссылаясь на закон и государственную целесообразность, приговаривают супругу к казни:

Но скоро в горести себе спокойство дам,
В тирана превращусь ужасного врагам;
В ненастной крови их меч острый напоился,
И благо в строгости, не в кротости явится.
Сбери опять совет, Рогнеду ты суди.
Будь мой наместник в сем, злодеев не щади [Ключарев: 120].

Владельцу одна потребна справедливость;
Коль нужна строгость я теперь употреблю,
На твердых я столпах закон возстановлю,
Подписывая казнь хоть жалость ощущаю,
Закон вещает казнь, не я ее вещаю [Херасков: 286–287].

Причиной Владимирова гнева отчасти становятся волнения в Киеве, к которым косвенно причастна Рогнеда-Горислава. В трагедии Ключарева мятеж разгорается в связи с вестью о гибели Владимира, который любим народом, но Студ оборачивает ситуацию себе на пользу: трактует беспорядки как попытку Сигурда, сговорившегося с Рогнедой и варягами возглавить переворот и отнять власть у князя. У Хераскова Горислава любима народом, ее несчастья трогают людей, чем пользуются Святополк и Золиба, подстрекая людей возвести на престол Изяслава. Советники внушают Владимиру строгость, правда, Студ (у Ключарева) преследует свои цели, тогда как Добрыня (у Хераскова) бескорыстен:

Преступников карать без сожаленья должно;
Злодейство явное терпеть никак не можно... [Ключарев: 87].

Захваченные мной мятежники суровы,
Для безопасности заключены в оковы;
Но искры первые измены истребить,
Вели их смертью, Владимир, погубить [Херасков: 268].

Владимир в произведениях, несмотря на разные подоплеки, усматривает в мятеже вину Гориславы и намерен устранить причину волнений, покарвав ее:

Я скоро подданным спокойство возвращу,
И после варварку суду предать хочу... [Ключарев: 89].

Сей пламень мятежа тем самым истребится,
Чем он питается, и разожженным зрится,
С народом я моим сражаться не хочу,
Мятежных сих сынов любовью укрошу [Херасков: 284–285].

Авторы создают в трагедиях образ справедливого князя, пекущегося о подданных, как отец о детях, предпочитающего миловать, а не карать. Владимир в изображении Ключарева и Хераскова как правитель не вызывает нареканий, оправдывает прозвище «Великий», достоин служить примером своим облеченным властью потомкам:

Студ, волнованиям не есть народ виной,
Который должен быть всегда доволен мной.
Не презрил я еще ни сира, ни вдовицы,
И при суде моем все равны зрятя лица.
И ни один отец так чад не возлюбил,
Как подданных люблю, что делом изъясвил;
Для их спасения в опасность я вдавался,
Презревши страх, на смерть пред войсками метался (Курсив мой. —
А. С.) [Ключарев: 112–113].

Я царства моего распространил пределы,
Я грады новые устроил, новы селы,
Законы кроткие изрек я сей стране,
Которы подданным полезней, нежелъ мне,
Искоренил грабеж, обманы и злодейство,
Россию за одно я чту мое семейство.
В объятия свои вдов принял и сирот,
Такие ж семяна дадут терновый плод?
Нет, друг мой, как отец я Россами владею,
Врагов я не имел, и ныне не имею (Курсив мой. — А. С.) [Херасков:
252–253].

Князь во «Владимире Великом» сравнительно последователен: от начала до конца декларирует свою любовь к Рогнеде, приговор подписывает, пересиливая себя, и до конца не может смириться к ним; прощает недругов, суровость дается персонажу нелегко. Владимир сетует на то, что не мил жене, хотя сделал все возможное, чтобы заслужить ее любовь, даже пытался найти ее отца и братьев на поле боя под Полоцком, чтобы спасти их по просьбе Рогнеды. Владимир у Хераскова — персонаж неоднозначный. По меткому замечанию А. В. Западова, в «Идолопоклонниках, или Гориславе» создан образ деспота, равнодушного к страданиям ближних, прежде всего Рогнеды — осиротевшей дочери, отвергнутой супруги, скорбящей матери. Владимир по замыслу автора или вопреки ему видится мудрым политиком, сильным правителем, но бессердечным человеком [Западов: 46–47]. По отношению ко всем, кроме жены, он справедлив и милостив, как и Владимир Ключарева, однако в отношении Гориславы предвзят. Ее

любовь выступает как укор Владимиру, который убил родных жены и своего брата, а к Гориславе охладел. Князю неприятны отголоски гордости супруги, которая чтит языческих богов и предпочтет уйти в изгнание или умереть, но не оставаться в Киеве при новой княгине на правах первой, но отвергнутой супруги (да и предложение это во многом продиктовано тем, что к Гориславе благоволит народ). Подспудное чувство вины и долга перед Гориславой перерастает в досаду и самооправдание, как следствие, Владимир во всем винит супругу: и в том, что она внушила ему «гнусный порок братоубийцы», и в том, что слезами отвратила от себя [Херасков: 228–229], и в измене, и в убийстве, и в мятеже, хотя точно знает (со слов Святополка), что Горислава лишь орудие Золибы:

Ты ведала о том, и мне не объявила,
Убийца ты, хотя меня не умертвила;
Злодей тот, кто себя в изменники включит!
Нет! жалости не внемлю! [Херасков: 266]

Пощадить Гориславу призывают Святополк и Добрыня, Золиба после неудачной попытки убить князя покончил с собой и больше не представляет угрозы, в том числе не может повлиять на Гориславу. Даже закон (сиречь христианство), который князь намерен утвердить, в том числе посредством казни, призывает к милосердию, но Владимир непреклонен, чему нет объективной причины, а колебания князя кажутся лукавством:

Советов никаких к щедроте не приемлю,
Изменница умереть моим мечем должна! [Херасков: 299]

Злодейку только зрю в супруге я моей.
Закона строгости в душе я осуждаю;
Мой извлекая меч, колеблюся, рыдаю;
Но как законы чтить я вам пример явлю,
Заплакав общего злодея истреблю [Херасков: 300].

Владимир в обеих трагедиях осознает, что неправ, поддается гневу и совершает преступление, причем не первое; героя терзают совесть,

жалость, чувства вины и монаршего долга одновременно, чему свидетельством схожие монологи:

Дух варварский теперь вокруг меня летает,
И адский на главу мне пламенник стрясает.
А милосердие имея слезный вид,
Далече от меня уж ныне отстоит.
Я стал мучителем!.. о мысли преужасны!
Сокройтесь от меня вы следствия нещастны,
Убийством гнусных дней, которы буду весть.
Беги, о! истинна! предстань безстыдна леть,
Хвалами возноси мои деянья мерзки,
И сделай, чтобы я простерши руки дерзки,
Без трепета в крови невинной их омыл,
И в варварстве свое блаженство находил...
Но сколь я днесь, увы! жестоко ни терзаюсь,
Лютейша мука ждет; с супругой разлучаюсь,
С супругой, что живет всегда в душе моей,
И стала жизни мне дороже и милей.
О! должность, что на мя закон сей налагаешь,
Ты щастье дней моих навеки разрушаешь [Ключарев: 132–133].

Практически то же видим у Хераскова:

И так я предаю на смерть мою супругу?
И возвестит молва всему земному кругу,
Что Князь Владимир стал убийца и злодей!
Дерзну ли сам потом казнить я злых людей!
Вина Рогволдова и братняя отмщенна,
А ты душа моя еще не насыщенна,
И жаждешь крови ты! какой? каких врагов?..
Мучитель! идольских страшнее ты богов....
...Лишь страхи внутренны и совесть лишь едина!
Я суетно в себе тиранских чувств ищу;
Нет! нет! не варвар я, супругу я прощу!
Карай твоих врагов, мне царский долг вещает;
А милости вопиет: Царь щедрый все прощает;

К щедроте жалость дух, к отмщенью долг влечет;
Прошу! но слабым свет меня весь наречет,
И вышня власть мне мечкоторья вручила,
Употреблять сей меч меня и научила;
Рагнеда в гордости престолом душу льстит?
Прощает ей супруг, но Царь ей не простит [Херасков: 287–288].

Общим местом в трагедиях являются обстоятельства казни Рогнеды-Гориславы: Владимир, отдавая должное ее положению или гордыне, велит княгине принять смерть на троне. Эпизод соответствует таковому в историческом источнике, Херасков ближе к нему, чем Ключарев:

Сей лист к твоим стопам монаршим повергает,
Которым он на смерть Рогнеду осуждает.
А чтоб надменности ея дозветворить,
Преднаписал он казнь на троне совершить [Ключарев: 129].

Соделать я хочу твоим слезам конец,
Одежды брачныя взложи, златый венец;
Умножишь моего к тебе вниманья боле,
Представлю я тебя народу на престоле;
Тогда и ты яви, и я сие явлю,
Как любишь ты меня, как я тебя люблю [Херасков: 285].

Непростую ситуацию в обеих трагедиях разрешает вмешательство Изяслава. Ключарев и Херасков следуют источнику, отчего финальные сцены произведений схожи. Во «Владимире Великом» Изяслав появляется в решающий момент, у Хераскова же мальчик входит в храм Перуна вместе с матерью и трогательно переживает, отчего Горислав скорбит, ведь ей уготованы почести (она как раз понимает, что идет умирать), а осознав подвох, падает в обморок от горя. Но в обоих случаях ребенок просит отца сразить его первым, чтобы не видеть казни матери:

Меня убей,
И вместе с матерью ты нашу кровь пролей,
Родитель мой!.. [Ключарев: 140]

В безмерной ярости мою ты мать рази,
Но прежде сыну в грудь свирепый меч вонзи... [Херасков: 300]

Ответы Владимира у Ключарева и Хераскова не идентичны, но схожи по смыслу: князь тронут порывом сына и прощает его мать:

Возлюбленный мой сын!
Плод нежных любви, дар гневных мне судьбин!
Востани и живи, чтоб сей владеть страною! (Курсив мой. — А. С.) [Ключарев: 140–141]

Ах! кто тебя, мой сын, сим нежностям учил?
Меня твой взор! твой вид! твой голос умягчил!
На всей моей душе я жалость ощущаю.
Возстань мой сын! возстань!.. я мать твою прощаю (Курсив мой. — А. С.) [Херасков: 301].

Владимир Ключарева возвращает Рогнеде «нежность прежнюю», ссылаясь на законы природы, герой Хераскова обещает Гориславе только дружбу, что ожидаемо, упоминая иной закон (христианский), призывающий к прощению и милосердию.

Итак, трагедии Ключарева и Хераскова определенно схожи в одних аспектах и различаются в других. Нет оснований утверждать, что имело место некое литературное соревнование авторов, однако можно предполагать, что Херасков, работавший в первой половине 1780-х гг. над поэмой «Владимир», увлеченный деяниями киевского князя, ознакомившись с трагедией Ключарева, почерпнул в ней вдохновение и по-своему обработал летописное предание о Владимире и Рогнеде, не нашедшее места в эпосе. «Владимир Великий» и «Идолопоклонники, или Горислава» имеют общий хронотоп: действие разворачивается, очевидно, в Киеве незадолго до херсонской кампании и последующего крещения Руси, то есть приблизительно в 987 г. Сюжет обеих трагедий почерпнут из исторических источников — наиболее вероятны труды В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и М. М. Щербатова, «Повесть временных лет» и другие, доступные авторам. Обыгрывая одни и те же события, поэты по-разному расставляют акценты: Ключарев сфокусирован на политических мотивах героев-антагонистов и любовной

коллизии, в то время как Херасков сосредоточен на вопросах религиозных и нравственных. Помимо этого Херасков вводит в произведение череду эпизодов, связанных со Святополком, явно противореча при этом источникам. Отношения Владимира с сыном (это подчеркнуто) зеркально отражают взаимодействие князя с Гориславой, только роль главного героя меняется на противоположную: Горислава ищет любви мужа и готова умереть за нее, князь же страдает оттого, что Святополк отвергает его отцовские чувства. Более того, как Горислава, убеждая Владимира в своей верности, просит мужа пронзить ее кинжалом, так и Владимир вручает Святополку меч, будучи готовым принять удар, если сын не поверит ему. Предположим, что таким образом Херасков добавлял положительных черт Владимиру и вводил дидактическую составляющую за счет исправления Святополка.

Череда пересечений в трагедиях Хераскова и Ключарева обусловлена следованием вероятным историческим источникам: обстоятельства брака Владимира и полоцкой княжны, мотив мщения Рогнеды-Гориславы, предполагаемая казнь княгини на троне, просьба Изяслава убить его прежде матери и дарованное тронутым смелостью и нежными чувствами сына Владимиром прощение. Другие параллели, а именно подобные системы персонажей, практически идентичные образы главной героини, наличие вымышленного злодея — подстрекателя Рогнеды (оба гибнут от своей же руки после неудачной попытки покушения на Владимира), благодаря которому нивелируется ее вина, наперсники Студа и Золибы, меняющие сторону и убеждения, спасающие Владимира от предательского удара, терзания и рефлексия главного героя, волнения в Киеве могут быть данью классицистическим канонам и следствием схожих авторских замыслов. К числу последних относится образ князя Владимира, в котором преобладают черты образцового монарха, почти аналогичные у обоих поэтов, однако князь в изображении Хераскова уступает ключаревскому герою в личных качествах. Персонаж трагедии Хераскова справедлив и милостив избирательно, по отношению к Гориславе он гневлив и деспотичен, что несколько портит положительный образ Владимира.

Список литературы

Источники

Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, а где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральныя представления. СПб.: Книжный магазин Нового времени, 1787. 166 с.

Киевский синопсис. Киев: Тип. Киевопечерской Лавры, 1836. 233 с.

Ключарев Ф. П. Владимир Великий // Российский Феатр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1787. Т. 6. С. 81–144.

Ломоносов М. В. Древняя Российская история. СПб: Имп. Акад. наук, 1766. Ч. 1–2. 140 с.

Повесть временных лет // Русская летопись по Никонову списку. СПб.: Имп. Акад. наук, 1767. Ч. 1: Пред. Августа Шлецера. 198 с.

Татищев В. Н. История российская с самых древнейших времен. М.: Императорский Московский ун-т, 1773. Т. 2. 536 с.

Херасков М. М. Идолопоклонники, или Горислава // Российский Феатр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1786. Т. 4. С. 223–303.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб.: Имп. Акад. наук, 1770. Т. 1. 398 с.

Исследования

Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и прим. А. В. Западова. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 5–56.

Пастушенко Л. М. Драматургия М. М. Хераскова: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974. 118 с.

Пастушенко Л. М. Идеино-художественное своеобразие трагедии М. М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1976. Вып. 2. С. 54–62.

Семенова А. В. Христианская проповедь в поэме М. М. Хераскова «Владимир» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 42–47.

Стенник Ю. В. Драматургия русского классицизма. Трагедия // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 58–99.

References

Zapadov, A. V. "Tvorchestvo Kheraskova" ["Creative Work of Kheraskov"]. Kheraskov, M. M. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works], introd. article, text prep. and notes by A. V. Zapadov. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1961, pp. 5–56. (In Russ.)

Pastushenko, L. M. *Dramaturgiiia M. M. Kheraskova* [Dramaturgy of M. M. Kheraskov: PhD Dissertation]. Leningrad, 1974. 118 p. (In Russ.)

Pastushenko, L. M. "Ideino-khudozhestvennoe svoeobrazie tragedii M. M. Kheraskova 'Idolopoklonniki, ili Gorislava.'" ["The Ideological and Artistic Originality of the Tragedy by M. M. Kheraskov 'Idylo-Worshippers, or Gorislava.'"] *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka* [The Problems of Studying Russian Literature of 18th Century], issue 2. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 54–62. (In Russ.)

Semenova, A. V. "Khristianskaia propoved' v poeme M. M. Kheraskova 'Vladimir.'" ["Christian Sermon in the Poem by M. M. Kheraskova 'Vladimir.'"] *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 77, no. 1, 2018, pp. 42–47. (In Russ.)

Stennik, Iu. V. "Dramaturgiiia russkogo klassitsizma. Tragediia" ["Dramaturgy of Russian Classicism. Tragedy"]. *Istoriia russkoi dramaturgii. XVII – pervaiia polovina XIX veka* [The History of Russian Dramaturgy. 17th – First Half of the 19th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 58–99. (In Russ.)